

Ся Си, недолго думая, улегся поудобнее и попросил 027 загрузить из системной библиотеки классику мировой литературы. Чтобы скоротать время, он выбрал Сто лет одиночества, которую так и не успел дочитать в прошлой жизни.

Ся Си всегда питал слабость к зарубежной литературе, поэтому, погрузившись в чтение, совсем забыл о течении времени.

Он даже не подозревал, что снаружи прошло уже пять часов.

Все эти пять часов Гун Инань не находил себе места. В нынешнее беспокойное время, когда пять государств охвачены враждой, а соседи только и ждут удобного случая для удара, Гун Инань, обычно славящийся своей безжалостностью к лазутчикам, вдруг утратил способность здраво мыслить. Он вызвал четырех своих лучших советников. Те, изучив листок с наставлениями по военному искусству и два клочка бумаги со стихами, найденные в углу комнаты, где жил юноша до того, как его ранили, пришли в полное смятение.

Ся Си имел привычку записывать особо понравившиеся строки, а эти два листка просто забыл на столе, когда вытирал кисть. Люди, работавшие на Гун Инаня, не были простаками. Сюй Хэн, признанный мастер литературы при дворе, сначала похвалил каллиграфию юноши, а затем, перечитывая стихи снова и снова, не удержался:

— Поистине, таланты рождаются в юности. Чем глубже вчитываешься, тем больше ощущаешь величие и размах этих строк. Не смею делать скоропалительных выводов, но, судя по почерку и слогу, автор обладает широкой душой и никак не может быть коварным интриганом.

Сяо Ци, объективно анализируя листок с тактикой, добавил:

— Я позволил себе взглянуть на пару строк. Содержание — чистая квинтэссенция мудрости, причем невероятно практичная. Один только анализ местности позволяет вывести десятки стратегий нападения и защиты. Полагаю, если бы господин Ся действительно был шпионом, он никогда бы не позволил нам так легко завладеть этим. Будь я на его месте, я бы прятал это как зеницу ока, ни за что не показал бы врагу.

Лю Цинъянь, командовавший войсками, кивнул в знак согласия и высказался прямо:

— Верно. Зачем шпиону раскрывать такие важные сведения, не получив ничего взамен? Это было бы глупо. К тому же, обладая подобными знаниями, можно не бояться других государств, зачем тогда вообще тратить силы на засылку лазутчиков?

Помолчав, Гун Инань наконец спросил:

— Я помню, как два месяца назад приказал вам при первой возможности разузнать всё о происхождении Ся Си. Вы до сих пор ничего не выяснили?

В голосах советников зазвучало раскаяние:

— Мы не справились, господин.

Сыту Дэ, единственный, кто до этого молчал, произнес:

— Говорят, князь Жуй тоже посылал людей на разведку, но безрезультатно.

Гун Чэнь искал информацию не из подозрений, а из желания помочь потерявшему память юноше найти родных.

— Случалось ли господину Ся совершать что-то подозрительное после прибытия в поместье? Пропадали ли важные предметы?

— Нет, — Гун Инань нахмурился, мучительно вспоминая детали, и впервые в его голосе прозвучало сомнение: — ...Он исцелил меня от страшного яда. После этого я показывался придворному лекарю, и тот подтвердил: яд действительно исчез, это настоящее чудо.

Все четверо присутствующих были доверенными лицами и единственными, кроме самого Гун Инаня, кто знал о его неизлечимом недуге. Они не знали, что делать: поздравлять господина или молча изумляться. Лицо Сыту Дэ стало еще серьезнее, и он твердо произнес:

— Господин, осмелюсь предположить, что господин Ся не шпион, а человек из Скрытых Врат.

При упоминании Скрытых Врат в комнате воцарилась мертвая тишина.

Не было человека, который не слышал бы о них. На протяжении веков о них слагали легенды, а среди пяти государств бытовала поговорка: кто обретет Скрытые Врата, тот обретет весь мир.

Врата назывались Скрытыми именно потому, что были окутаны тайной — никто не знал, где они находятся. Десятилетиями правители разных стран пытались найти хоть какой-то след, но все было тщетно.

Сыту Дэ пояснил:

— Десять лет назад Его Величество поручил мне искать следы Скрытых Врат. Я кое-что знаю о них, поэтому и осмелился на такое предположение. Врата передают знания только по кровной линии. Их адепты обладают выдающимся литературным талантом, искусны в военном деле и алхимии. Их познания в стратегии таковы, что один человек может обратить в бегство целую армию, а их лекарства исцеляют от любых ядов и возвращают к жизни даже умирающих. Однако у них есть один фатальный изъян: они рождаются слабыми телом и не могут постигнуть боевые искусства. Обладая гениальным умом, они беззащитны. Однажды одного из наставников Врат из-за этого продержали в заточении несколько месяцев. Люди Врат горды и непреклонны. С тех пор они объявили об уходе от мира, больше не вмешиваются в дела государств и установили правило: покидая долину, никто не должен раскрывать свою личность. Стоит чушаку узнать, кто ты, — и ты навсегда изгнан из Скрытых Врат.

Гун Инань нахмурился еще сильнее, его лицо помрачнело. Сыту Дэ продолжал:

— Судя по донесениям за последние полгода, больше всех нам угрожает государство Сян. Там все от мала до велика сильны и воинственны, а господин Ся не владеет боевыми искусствами. За два месяца он не совершил ни одного подозрительного действия. Напротив, все указывает на его связь со Скрытыми Вратами. Стихи, военная тактика, лекарства — всё это уровень, недоступный обычным людям. И полная невозможность найти его следы — на такое способны

только Скрытые Врата. Вероятно, именно из-за запрета на раскрытие личности он молчал, как бы мы его ни принуждали.

— Вот оно что, — тихо пробормотал Лю Цинъянь. — Неудивительно, что за два месяца мы ничего не нашли. Я ведь чувствовал...

Он не успел договорить, как Гун Инань резко поднялся и широкими шагами вышел из комнаты.

Тем временем Ся Си, не подозревая, что с него сняты подозрения в шпионаже и на него надели столь почетную маску, вдохновился прочитанным и решил прибегнуть к самоистязанию. Он спросил 027:

— Если я буду причинять себе вред из-за жестокого обращения, это ведь пойдет в зачет очков мазохизма?

027 был слегка ошарашен такой находчивостью, но ответил:

— Да.

Ся Си воодушевился — наконец-то появился способ продвинуться в задании.

— Вот сейчас, например: я невинно страдаю, запертый Гун Инанем в этой темнице, и не в силах вынести тьму и тишину, решаю покончить с собой. Сколько очков я получу?

Ты ведь только что слушал книгу с таким спокойным видом, с чего это ты вдруг решил покончить с собой? — 027 слегка дернул уголком рта. — Очки будут рассчитаны исходя из совокупности факторов. Система применит строгий научный подход.

Ся Си почувствовал, что открыл для себя новый мир. Если так пойдет, выполнять задания станет гораздо проще — если не получается получить страдания от других, можно причинить их самому себе!

Уловив ход мыслей Ся Си, 027 немедленно предупредил:

— Предупреждаю Хозяина: в зачет пойдут только те действия, которые являются прямым следствием поведения объекта. Самоистязание в иных ситуациях учитываться не будет.

Ся Си все равно был доволен. Однако выяснилось, что попытка самоубийства — это тоже своего рода искусство: нужно раниться серьезно, но не умереть. В тайной комнате не было даже зубочистки, единственным инструментом была стена, но она была обита мягкой тканью, так что удары не приносили эффекта.

Ся Си прикинул, что уже должен быть вечер. Гун Инань обещал прийти, и если он вдруг решит выпустить его, то шанс на получение очков будет упущен. Ся Си решил действовать без промедления и с силой впился зубами в собственное запястье.

— Дзинь! Очки мазохизма увеличились на 4. Общий счет — 40. Прогресс выполнения второго основного задания — 40 процентов.

Поскольку он ничего не видел и почти не чувствовал боли, Ся Си не знал, насколько глубоко укусил. Другой рукой он нащупал кровь, но она текла медленно, поэтому он в отчаянии рванул зубами еще раз, целясь в артерию.

— Дзинь! Очки мазохизма увеличились на 20. Общий счет — 60. Прогресс выполнения второго основного задания — 60 процентов.

Когда прозвучал сигнал системы, Ся Си немного расслабился. Вскоре его начало клонить в сон.

С этим расслаблением навалились и все остальные мучения: пустой желудок требовал еды, сухие губы жаждали воды, тело молило об одеяле, а в груди стало так тесно, что не хватало воздуха. Ся Си, дрожа от холода, свернулся калачиком в углу и закрыл глаза.

В это время Гун Инань, оставив советников, быстрым шагом направлялся к тайной комнате. Мысли путались, а перед глазами стояла чистая, светлая улыбка юноши.

Добравшись до двери, он тяжело вздохнул и приказал страже открыть замок.

Наступил час хай. Ся Си был заперт уже почти четыре часа. Гун Инань боялся даже думать о том, что могло произойти. Пока открывалась дверь, он чувствовал необъяснимую тревогу. Как только она со скрипом отворилась, он первым делом уловил отчетливый запах крови.

Он замер на секунду, а затем бросился внутрь.

Издали он увидел юношу, тихо лежащего в углу, свернувшегося, словно котенок. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах крови. Сердце сжалось, словно его стянули тугой проволокой. Гун Инань внезапно побоялся прикоснуться к нему. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться, и лишь тогда дрожащим голосом позвал:

— Ся Си?

Подняв юношу на руки, Гун Инань увидел страшную картину: правое запястье было изгрызено, кровь всё еще медленно сочилась, а на ковре расплылось темное пятно.

Этот вид был настолько невыносимым, что у Гун Инаня перехватило дыхание.

Если бы не едва уловимый пульс на шее юноши, он не осмелился бы представить, что случилось бы, не подоспей он вовремя. Он хотел лишь оказать психологическое давление, не желая причинять вреда, но результат оказался катастрофическим. Гун Инань не предвидел этого, и охватившие его паника и боль были настолько сильны, что он едва устоял на ногах.